

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Фантастический рассказ

Не доходя до Присутствия, они разделились. Федул подался в сторону, и Марьин сразу потерял его из виду. Но спиной чувствовал: он где-то неподалеку.

Присутствие подавляло. Здание, построенное инопланетянами, напоминало варварски обтесанную серую глыбу — многочисленные грани переходили одна в другую без какой-либо системы, под безумными углами. Особенно раздражали ряды черных зеркальных окон. Казалось, за каждым стоит кошмарное чудовище и разглядывает спящих по улице рабов.

Ограда была рифленой и словно сделанной из тонированного стекла. Но проломить этот несерьезный с виду заборчик не смог бы и танк.

Рядом с будкой, где постоянно дежурила охрана, возвышались две панели, похожие на обращенные друг к другу огромные ладони. Марьин встал между ними. Раздалось еле слышное жужжание — пропускная система сняла индивидуальные характеристики его мозга, сверила с базой данных и разрешила вход.

Пока все шло заведенным порядком, установленным не людьми, но четким, ясным, гарантирующим безопасность и кусок хлеба. Сейчас двое отчаянных собирались этот порядок взорвать.

Утро началось обыденно. Ожидая машину, Марьин включил телевизор и тут же выругался. На экране красавчик ведущий рассказывал о том, как знукиане добры, щедры и отзывчивы.

«Вот погань, — подумал Марьин. — Надо же так убежденно врать — будто сам в это верит. А ведь не зомбированный, как почти все тут...»

Горожанам давно промыли мозги. Самого Марьина тоже могли лишиться свободы воли и сделать марионеткой, но он все рассчитал и выбрал другой путь, путь

шакала, если по-простонародному. А официально — Добровольного Помощника, или, сокращенно, дэпэшника. Дело в том, что, по странному закону природы, шакалить с промытыми мозгами оказалось нельзя. Тупо принимать власть пришельцев — да, но для эффективного холуйства требовалась свобода воли...

Ведущий выдал еще пару напыщенных фраз, и на экране появились знукиане. По плечо среднему человеку, щуплые, с желтоватым пухом на удлинённых головах, одетые в неизменные лиловые туники, они казались ходячими недоразумениями. Но эти недоразумения разгромили армии ведущих земных держав и сейчас планомерно добивали их остатки руками своих наемников-гарфов — огромных гуманоидов, ростом за два метра, а весом центнера в полтора.

Теперь о том, какие они славные ребята, рассказывали сами знукиане. Марьин посмотрел в окно. Длинная знукианская машина подкатывала к подъезду. Вернее, подплывала, паря над землей — колес у нее не было.

В машине его уже дожидались четверо дэпэшников. Кириллыч, старый знакомый Марьи́на, как всегда, расселся вальяжно и бодро топорщил колючие усы. Остальные трое, совсем молодые, держались скованно, словно им жала форма.

Минут через двадцать управляемый автоматикой автомобиль высадил всех на городской площади. Марьину с Кириллычем до самих плантаций предстояло добираться своим ходом.

Кириллыч был болтуном, каких поискать. Вот и сейчас, заполучив собеседника, он с ходу атаковал его:

— Работа у нас правильная. Плантации — это так, второстепенное. Главное — помочь роду человеческому сойти со сцены, лечить его бесполезно. Жили бы душа в душу, не собачились, так уже к звездам бы летали и других уму-разуму учили. А вместо этого одна возня и грызня. Ты посмотри на знукиан. Думаешь, они нас своим оружием нагнули? Нет, сплоченностью взяли! Мы все спорили по поводу и без, а у них все задачи давно поставлены, только бери и выполняй. Хоть те же грибы возьми — ведь глобально к делу подошли! А захотят всю Галактику к рукам прибрать — и приберут, будь уверен.

— Допустим, — сказал Марьин. — Ну ладно, все пусть исчезнут, а ты сам?

Кириллыч самодовольно потрогал усы.

— Я для хозяев человек полезный и жить собираюсь долго. А что здесь будет после меня, мне все равно.

Марьин не ответил, они подошли к плантации «Северо-Восток 1».

Кириллыч напустил на лицо важность, сдвинул брови и, выпятив грудь, двинулся к рабочим. А Марьин пошел дальше: он был надзирателем другой плантации — «Северо-Восток 2». Минут через пять показалась и она.

Инопланетные грибы походили на огромные, в полтора человеческого роста, сморчки. Они были иссиня-черные, а в глубине изрывших шляпки ячеек мерцали зеленые пятнышки. Сейчас они особо не впечатляли, зато ночью горели ярче светляков.

На этих грибах знукиане построили мощную индустрию. Они производили из них деликатесы, делали изысканные напитки, после глубокой переработки получали уникальную губчатую органику, которая применялась в самых разных областях. На Знуке грибы росли плохо, но тут подвернулась Земля — сказочно плодородная, к тому же с неисчерпаемой, даже избыточной рабсилой.

Рабочие вкалывали по-черному. Грибы были капризны, и даже чудодейственную земную почву требовалось постоянно рыхлить, по сложной схеме подавать питательные вещества, выводить продукты распада.

Марьин вглядывался в лица своих подопечных, пытаясь уловить признаки недовольства. Ни малейших!

Много раз Марьину хотелось собрать вокруг себя эти послушные человеческие оболочки и попытаться донести до них жуткую правду. Правда состояла в том, что людей на Земле было намного больше, чем требовалось для выращивания грибов. Полмиллиарда хватало за глаза. От остальных знукиане собирались постепенно избавиться.

Пришельцы настолько презирали человечество, что даже не скрывали эти планы от своих — дэпэшников. При поступлении на службу каждому из них просто-напросто вкладывали в голову готовые знания. И Марьин использовал их по максимуму.

Собрав воедино обрывки разговоров, открыл поразительную вещь. Знукиане входили в Конфедерацию с центром на планете Ярсат и формально подчинялись ее правилам. А они строго-настрого запрещали геноцид любых разумных рас!

Замысел вызревал постепенно. Как и все дэпэшники, Марьин был вхож в Присутствие — местную штаб-квартиру пришельцев. Где-то в лабиринте ее помещений скрывался гиперпередатчик — портал мгновенной переброски в любые миры Конфедерации. И Марьин придумал, как до него добраться.

Федул уже топтался возле почтамта. Фамилия его была Федулов — это знали все. А вот имени никто не помнил. Федул и Федул. Он не обижался.

Говорили, что много лет он служил по контракту в горячих точках, а вернувшись домой, лишился и заработанных денег, и квартиры. Потом Федула заметил его старый знакомый, ставший удачливым бизнесменом, пожалел, взял охранником в свой загородный коттедж, а сам уехал за границу.

Федул так и жил за городом. Потому, наверное, промывки мозгов он пока избежал и время от времени выбирался в город. Известность ему принесла уникальная способность появляться там, где возникала заварушка.

В этом Марьин имел случай убедиться. Однажды на его глазах трое парней, что-то не поделив с четвертым, сбили его с ног и принялись пинать. Марьин еще взвешивал свои шансы в драке, а Федул уже вывернулся из подворотни и негромко, словно извиняясь, сказал:

— Ребята, я тишину люблю.

После чего без видимого напряжения отшвырнул одного парня налево, другого — направо, а третьему заломил руку за спину, да так, что тот согнулся пополам.

Марьину тогда подумалось, что экстравагантный любитель тишины может стать союзником. Вскоре он завязал с Федулом первый разговор — осторожный, почти ничего не значащий.

В конце концов, прощупав друг друга, насколько возможно, они убедились, что мыслят одинаково. И условились о встрече, решавшей все.

— Привет, — сказал Марьин.

— Здорово. — Федул протянул ему правую руку, а левую так и не вынул из кармана. Прижатая к боку, она словно придерживала что-то за пазухой.

— Ты твердо решил? — испытующе глядя на него, спросил Марьин. — Не страшно?

Федул покачал головой.

— Страшно стать таким, как вот эти... — Он кивнул на тротуар, по которому жиденькой струйкой текли прохожие.

— Хорошо. Тогда пошли.

Кусок гофрированной ограды бесшумно сдвинулся вправо. Марьин шагнул в открывшийся проем, но тут же остановился и, будто вспомнив о чем-то важном, начал шарить по карманам.

— Черт, — бормотал он, морща лоб, — где же оно... вот гадство...

Марьин еще притворно ругал себя за забывчивость, а из-за его спины показался невесть как очутившийся рядом Федул с коротким автоматом.

Два охранника открыли огонь, но там, куда они целились, Федула уже не было. Он бросился наземь, перекатился на пару метров в сторону и, не вставая, одной очередью срезал обоих гарфов. Они еще грузно опускались, роняя оружие, а Федул уже вскочил, подхватил ближайший лучевик и бросил Марьину:

— На!

Затем развернулся к Присутствию, из дверей которого появились еще четыре массивные фигуры, и автомат в его руках застучал вновь.

Гарфы падали, словно напоровшись на низко натянутую проволоку. Больше в дверях никто не появился — видимо, охранники кончились.

Выкинув опустевший рожок, Федул отработанным движением вставил новый.

— Дуй в их логово, а я тут прикрою, если снаружи полезут.

Пришельцы были так уверены в надежности периметра, что даже не подумали снабдить охранными системами сам вход в Присутствие. Это их сильно подвело. Ма-

рьин перепрыгнул через труп гарфа, из-под которого расплзлась лужа крови, и ворвался в здание.

— Лежать! — заорал он по-знукиански и очертил широкую дугу стволом лучевика.

Пять или шесть тщедушных фигур в лиловых туниках замерли, словно примерзнув к полу. Они казались на одно лицо, но Марьин все же выцепил взглядом знукианина повыше рангом. Окружной советник Бруллох — достаточно крупная шишка, сгодится.

— Веди меня к гиперпередатчику, — приказал Марьин, направив на господина советника ствол. — Я должен попасть на Ярсат. Ты настроишь аппаратуру, включишь и дождешься отправки. Если сделаешь все правильно, останешься жить.

— Туда... — выдавил Бруллох.

Гиперпередатчик выглядел как помятый пятнистый цилиндр. Марьин следил за панелью, расчерченной на серые квадратики. Ровно двадцать — по четыре в пяти рядах. Больше половины уже горели ровным желтым светом, время от времени вспыхивал еще один.

— Аппарат будет готов к работе, когда зажгутся все, — объяснил Бруллох. Оставалось дожить до этого момента — к Присутствию, конечно, уже мчался целый отряд гарфов. А может, и не один.

Словно напоминая Марьину, в каком он цейтноте, за окном раздалась автоматная очередь. Тут же засветился следующий квадратик, но с панели слепо таращились еще четыре серых. Целый ряд...

Автомат застучал опять — и вдруг захлебнулся. «Федула больше нет, — понял Марьин. — Любителя тишины приняла вечная тишина».

На душе стало пусто и мерзко. Марьин повернулся к Бруллоху:

— Какая на Ярсате атмосфера? Дышать смогу?

— Да.

— Там понимают по-знукиански?

— Это не проблема.

«Потребую встречи с самым главным по делам остальных планет, — подумал Марьин. — Так и так, истребляют нас. Не допустят к главному — есть чиновники помельче. Только бы до них добраться...»

Пол завибрировал от топота множества ног. Затем в стене появилась светящаяся точка. Она быстро росла, наливаясь жаром.

Гиперпередатчиком знукиане дорожили, а потому снабдили зал, где он был смонтирован, мощной металлической дверью. Бруллох по приказу Марьяна намертво заблокировал ее изнутри, так что штурмующим было проще и быстрее вспороть лучами стену.

Марьян перевел взгляд на панель и, увидев, что последний квадратик окрасился желтым, выдохнул: «Есть!» Но передатчик почему-то не раскрылся. Вместо этого раздался противный квакающий звук, а в верхней части цилиндра вспыхнули непонятные багровые знаки.

— Что за дрянь? — пробормотал Марьян.

— Неполодка. Так бывает. На устранение потребуется...

— К черту! — взревел Марьян. — Что можно сделать прямо сейчас?

— Аппарат не готов к передаче материальных объектов, — пролепетал Бруллох. — Он способен отправить только мыслеграмму или голосовое сообщение.

— Как? Показывай!

— Вот. — Бруллох робко протянул руку к небольшому грушевидному устройству. — Все готово. Можете говорить, можете думать...

Марьян приблизил к прибору лицо и, стараясь удержать удары сердца, заговорил по-знукиански:

— Я — житель планеты Земля. Мы подверглись агрессии со Знука. Нас поработили и собираются уничтожить. Требуем помощи!

Стену резали уже в нескольких местах. Скоро ползущие друг к другу огненные змеи соединятся, и гарфы ворвутся в зал.

Какое-то время из прибора доносились только треск и шипение. Затем пробился голос:

— Вас понял. Координаты установлены. Будет организована проверка. Ждите.

Кусок стены рухнул на пол. Марьян увидел блеснувший в проеме ствол и выстрелил. Хотя большого смысла это уже не имело. Сейчас главный день в его жизни закончится. А вместе с ним — и сама жизнь. Но теперь умирать было не страшно.